

Классический грузин

Ян Смирницкий

Желание пообщаться с крупным композитором современности Гией Канчели возникло сразу же после юбилейного концерта Юрия Башмета, где во втором отделении прозвучало одно из последних произведений маэстро – симфоническая драма «Стикс», уже не в первый раз повергающая в шок московскую публику.

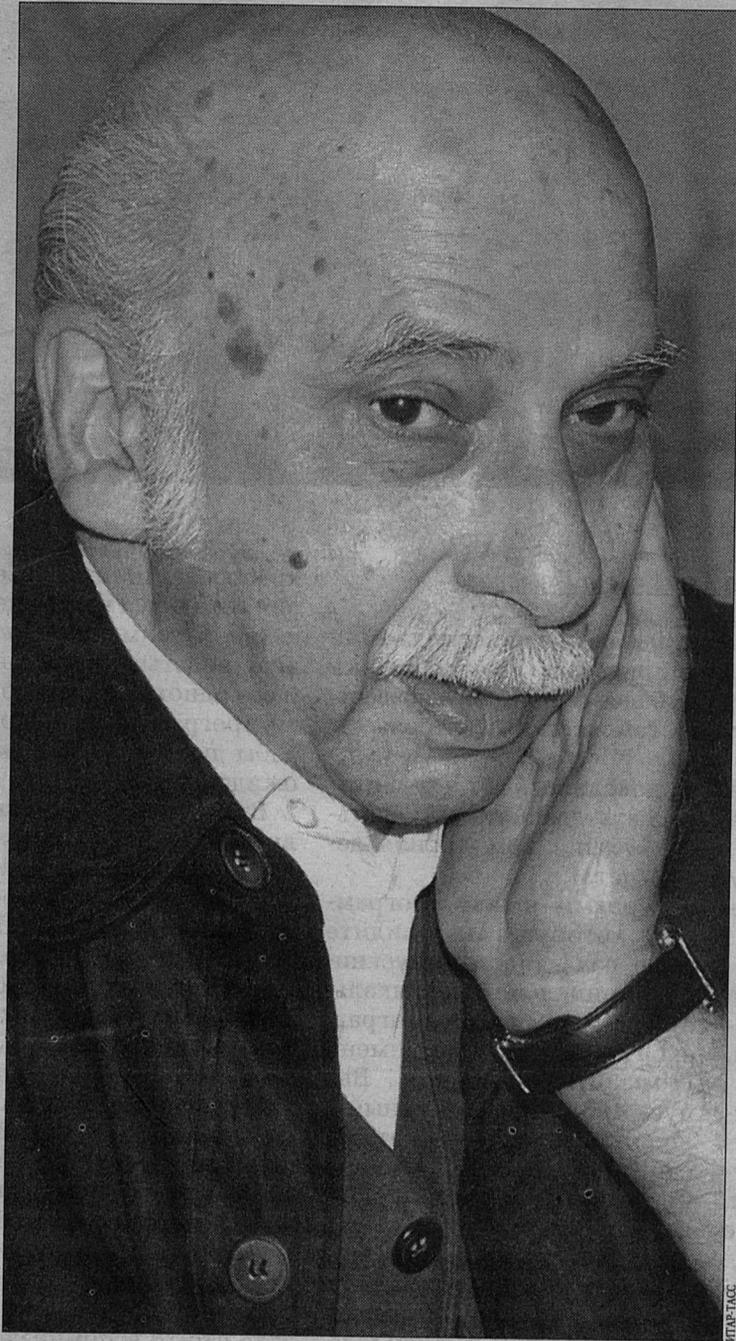
Сложно приходится составителям музыкальных справочников: конечно, после фамилии надо писать традиционное – «грузинский композитор». Таковым Канчели считает себя сам, но его музыка давно покинула пределы родного Тбилиси и окрестностей, шагнув в ритмы Вены, Нью-Йорка, Токио и чудесного бельгийского городка Антверпена, где маэстро живет с 1995 года, переселившись из Берлина.

Еще два года – и Ги Александровичу исполнится 70 лет. Он болен, чувствует себя неважно, недавно перенес операцию. Но ни полсловом не выдаст своего состояния: старается регулярно приезжать в Россию – к друзьям и на премьеры своих произведений, исполняемых то в спектаклях калягинского театра Et cetera, то в «Сатириконе», то в фильмах, например, «Давай сделаем это побыстрому» Сергея Бодрова. Вот и 15 февраля он очень рассчитывает вырваться в Москву, где в Доме литераторов состоится вечер, посвященный Георгию Николаевичу Данелия; Канчели писал музыку к его фильмам «Мимино» и «Кин-дза-дза», а на вечере обязательно прозвучит «Маленькая Данелиада» – подарок маэстро любимому режиссеру.

– Однажды, выступая перед студентами, вы сказали, что язык ваших произведений раз от раза упрощается. Но беззвучный финал «Стикса» производит странный и страшный эффект...

– Это слово... «эффект» – совсем не мое понятие. Когда я пишу, то ни на минуту не задумываюсь, какой эффект должна производить моя музыка. Подчеркиваю, эффект не входит в мои композиторские цели. И лишь потом, по отдельным отзывам я могу судить о том впечатлении, с которым слушатель уходил с концерта. «Стикс» исполняется не первый раз, и реакция на него примерно всегда такая, что вы описали: зал замирает в длинной паузе, прежде чем начать аплодировать. Думаю, раз получается так особенно – когда тишина становится музыкой, – это заслуга исполнителей и самих слушателей.

– Да, в финале «Стикса» солирующий альт и струнная группа в оркест-

ре несколько минут бесшумно водят смычками, имитируя звук. Это можно слушать только вживую?

– Нет... Одна немецкая звукозаписывающая фирма уже выпустила «Стикс» на дисках. Хотя, к сожалению, вся тишина действительно теряется.

– Стикс – река мертвых в древней мифологии. Можно ли сказать, что вы вдохновляетесь смертью?

– Я думаю, смерть не может вдохновлять. Есть вещи – ощущения или откровения, – подсудно присутствующие в каждом из нас. Что есть смерть? Что есть жизнь? Я старался избегать прямых формулировок, не рассуждать о добре и зле, о жизни и смерти так, чтобы все это стало выпукло настолько, чтобы начать это осязать. Да. Чем больше завуалированности, тем лучше. И я до сих пор предпочитаю вопросительные знаки знакам восклицательным, а уж тем более точкам.

– Но что-то конкретное все же есть. Заказ?

– Да, от голландцев я получил официальный заказ на написание реквиема, но от реквиема отказался, предложив свою форму, рассчитанную на камерный хор, симфонический оркестр и конкретную фигуру солирующего альты – Юрия Башмета. То, что теперь называется «Стиксом».

– Почему «Стикс» вы посвятили Башмету?

– В этом человеке для меня все имеет значение. И не только звучание альты в его руках. Но и его личность, его индивидуальность, его облик, если хотите. Работая над «Стиксом», я старался отмежеваться от Башмета, его образа, сидящего во мне. Но ничего не вышло. Я должен понимать, для кого пишу. Так было с Башметом, с Гидоном Кремером, с Мстиславом Ростроповичем. Со всеми. Мне всякий раз интересно увидеть в любимом исполнителе новые знаки, которыми засверкает его творчество.

– Вы можете описать свое отношение к России и

к Грузии, как изменилось оно после вашего переезда в 1991 году?

– Когда-то, в 60-е годы, мою музыку не очень жаловали. Как не жаловали Арво Пярта в Эстонии, Валентина Сильвестрова в Украине, как не жаловали Альфреда Шнитке или Сою Губайдуллину. Находились люди – «пограничники» я их называю, – которые брали на себя право судить, какая музыка соответствует грузинскому укладу, эпосу, традициям, а какая – нет. Мою музыку называли антигрузинской. Это продолжается и сегодня.

К сожалению, в Грузии я больше популярен как автор музыки к фильмам и спектаклям, но не как симфонист, хотя для меня это главное. С Россией же связано так много, что, пока на ногах, пока в силах работать, все мое российское – связи, проекты, творчество – будет продолжаться. Думаю, в России я популярен в большей степени оттого, что грузин. Правда, некоторые несуразности затрудняют мое передвижение, ведь я до сих пор остаюсь гражданином Грузии, а между Грузией и Россией сейчас сложные отношения. Например, уже третий год добиваюсь от российской стороны многократной визы, чтобы ездить часто и без проблем. Приходится идти в Министерство культуры, оно по своим каналам связывается с нужными ведомствами и так далее.

– Антверпен – уютный город на берегах Шельды, родина Рубенса, вам хорошо там?

– Мне всегда нравятся те места, где я надолго останавливаюсь. Сначала был Берлин, сейчас Антверпен. Я обращаю внимание на лица людей, на то, чем живут они, чем дышат, – это мне интересно. И я могу сказать уверенно: сегодня в мире моя музыка востребована. Но где бы я ни был, где бы ни жил, я всегда и везде ощущаю себя как в длительной командировке и понимаю, что наступит день, когда я должен буду вернуться в родной Тбилиси.

– А если не вернетесь?

– Я стараюсь бывать там по несколько месяцев в году. Одно осознание того, что ты в любой момент сможешь пойти купить билет на самолет и полететь на родину, уже много значит. Успокаивает.